

За несколько часов до Нового года пришел в отдел заявитель. Обычный работяга с красным от мороза лицом. В меру трезвый. Здоровый такой, зубастый.

– Обманули, – говорит, – деньги заплатил, удовольствия – никакого.

Жарков недовольно принимал заявление. Дежурил он в резервной группе и собирался к полуночи быть дома. Если тихо и спокойно, дежурный отпустит. А тут, здрасте, приехали, очередное мошенничество. Немного сбавил обороты, когда потерпевший объяснил, что решил снять проститутку, а развели как пацана. Все, что было связано с интимными вопросами, Жарков любил до безобразия.

– Я весь год, как ишак, пахал, – оправдывался мужик, – у меня хозяйство ого-го.

– Без подробностей давай, – остановил Гоша.

– Свиной – шесть, две коровы, козы, – продолжал несчастный.

– А, – растерялся оперативник, – ну да, я понял.

– Вот и решил хоть в праздник расслабиться. Нашел в интернете объявление, в город сюда приехал. У нас в деревне-то бабы нормальные, и жена у меня – хорошая, честно говорю. А тут... да сам понимаешь, захотелось.

В последние месяцы в районе удалось прикрыть два массажных салона, где «приятное» возвышалось над «полезным», прятаясь под маской запрещенных услуг в исполнении горячих девушек, белых и чер-

ных, крупных и тоненьких, любых – плати только деньги. Искоренить «квартиранток» – тех, кто работал в домашних условиях, сотрудники не могли. Порочные «блатхаты» размножались быстрее, чем успевали их обнаружить. Да и бороться с тем, что приносит радость, не совсем правильно.

– Да? – спросил Жарков.

– Да, – ответил заявитель, не разобрав, с чем согласился. На все был готов, лишь бы вернули деньги. – Я ползарплаты, считай, отдал. Жена убьет, когда узнает. Что мне вот говорить?

– А ты не говори.

– А деньги? Спросит.

– Скажи, хотел подарок сделать. Заказал в интернете что-нибудь. Чего она там любит у тебя. Деньги перевел, а товар не получил. Даже врать почти не придется. И ей приятно, и тебе – гора с плеч.

– Ага, – взбодрился мужик и раскраснелся еще больше, – она поесть любит хорошо. Так, наверное, и скажу: заказал тебе конфет дорогих. На семь тысяч.

– Семь косарей? – охренел Гоша. – Ты какую богиню отжарить собирался?

– Не знаю, – пожал мужик плечами, – на фото вполне себе, на-ка, посмотри.

Открыл сохраненную страницу в телефоне. Стройная брюнеточка с третьим, наверное, размером. И спереди хороша, и сзади. Сзади особенно.

У него в адресной книге много было подобных обозначений: «пункт приема», «вывоз металла», «глава района» – лишь бы не заподозрила ничего супруга. Станешь тут конспиратором, когда и хочется, и может, а нельзя.

Жарков одобрительно кивнул и посоветовал картинку удалить, чтобы жена не обнаружила. Сам он имел горький опыт и знал, о чем говорит.

– Удалю-удаю, – отвечал потерпевший и все глаза не сводил с экрана.

Несло от него крепким мужским потом, застоявшимся и непобедимым. Круглое широкое лицо с твердой угреватой россыпью, зубы, как на подбор, все в разные стороны, волосы – и те растрепаны, сальные, жесткие, рыжие-рыжие.

Жарков тоже размечтался и закурил прямо в кабинете. Заявитель болтал без умолку. Приехал, говорит, на адрес, позвонил. Стой, сказала, жди, сейчас назову номер квартиры. Стоял и ждал. Еще раз звонил. Опять – жди. А потом телефон отключила, трубки не брала. Три часа, говорит, прождал, замерз. А что делать. Надо было туда-сюда сначала, а потом деньги.

– Сейчас-то что рассуждать. Ни любви, ни денег.

– Ладно тебе, не кипешуй, – сказал Жарков, – придумаем что-нибудь. Номерок остался?

Мужик продиктовал цифры. Гоша старательно их набрал и сохранил в контакты под именем «Начальник тыла» с намеком на лучшие формы заднего плана. У него в адресной книге много было подобных обозначений: «пункт приема», «вывоз металла», «глава района» – лишь бы не заподозрила ничего супруга. Станешь тут конспиратором, когда и хочется, и может, а нельзя.

– Если нельзя, но хочется, то можно, – выдал Жарков, и потерпевший опять согласился.

Набрал номер, трубку подняли после второго гудка.

– Але, – очень бодро ответил женский голос.

– Але, – повторил Гоша максимально серьезно. Он к подобным разговорам всегда относился очень внимательно и не допускал развязных речей, щекотливых усмешек.

– Да, привет, – уже мягче продолжила девушка, – я слушаю.

– Работаешь? – Жарков произнес ключевое слово, после которого разговор подлежал окончательной развязке.

– Работаю, – игриво продолжила, – что хочешь?

– Что-нибудь да хочу, – по-прежнему скупое и сухо нагнетал оперативник. Женщинам такое нравилось. Любим – порядочным и не очень, честным и обманщицам. – Свободна?

– Свободна, если трезвый.

Она сообщила адрес (все верно, тот же самый) и сказала позвонить по приезду. Обычная схема подобных свиданий, ничего подозрительного.

Поехали вместе, но Жарков сказал, что пойдет один.

– Сиди в машине, не светись. Она через окна палит.

Пока не приду – не высывайся. Ага?

– Ага, – принял к исполнению потерпевший.

Гоша снова позвонил, и та сообщила номер квартиры. Никакой предоплаты, никаких переводов. Никакого, что ли, обмана? Терпила сразу деньги переводил на карту. Может, другая схема, новый какой-нибудь развод.

Он постучался, хотя смотрела на него кнопочка звонка.

Убедилась через глазок – тот самый: красивый и вроде бы адекватный. Открыла дверь. С таким всю жизнь провела. Разрешила пройти. Сразу обозначила: разуваться – тут, куртку – сюда, душ – там.

Гоша мыться не собирался, но раз велено, значит, надо. Постоял недолго под водой, обвязался полотенцем и вышел. Он, честно говоря, не думал, что называется, предаваться скоротечной любви, а только хотел разобраться в произошедшем. Но, переступив порог и оценив хозяйку (соответствие фотографии – сто процентов), согласился, что в канун праздника действительно можно. Нечасто он позволял себе такие вот мероприятия, а тут – сам бог велел. А если не бог, то – заявитель. Работа обязывает, служба заставляет.

– По деньгам чего как, сколько? – крикнул он.

Девушка, должно быть, готовилась. Гоша стоял в коридоре и обращал свой громкий голос во все пространство сразу.

– По факту, – голосила в ответ, – три за час, а там посмотрим.

«Абсолютно приемлемо, – рассуждал Жарков, – в чем тогда прикол, какое тут мошенничество».

Она появилась без верха, в одних колготках и туфлях на высоком-высоком каблуке. Взяла его за руку и повела в комнату. Гоша и сказать ничего не успел. Упал на кровать и отдал себя всего, а потом забрал сам, а потом... потом все произошло и повторилось, и нечего тут больше говорить.

– Я терпеть не могу ментов, – сказала девушка.

Жарков не шелохнулся, еще отходил.

– Но ты совершенно другой, – призналась.

– В каком смысле?

Она шагала пальчиками по его груди.

– Ты какой-то порядочный. Остальные ваши, – замолчала, придавая особое смысловое значение «вашим», то есть «его» коллегам, – они грубые и неопрятные. А ты красивый, ты хороший.

Жарков знал о себе чуть больше. Он знал, например, что может быть очень жестоким, и, может быть, она – эта глупая проститутка – единственная, кто вообще за всю жизнь назвал его хорошим.

– Знаешь, – сказал Гоша, – ты тоже хорошая. Он другого слова не подобрал, словарный запас его не отличался масштабом, да и уличная служба не требовала серьезных вдумчивых разговоров. Он, в принципе, сам не понял, зачем так сказал. Ему было неудобно слышать приятное от девушки и молчать в ответ. – Только я не мент никакой.

– Ну да, ну да, – хихикнула девушка, – думаешь, я дурочка глупая?

Она рассказала, что работа обязывает быть на чеку. Пока мылся, прошмонала карманы, нашла удостоверение.

– Майор полиции Жарков, – отчеканила девушка. – Ничего не взяла, можешь проверить. Я не какая-нибудь там.

Тогда Гоша признался, зачем пришел, и сказал, что деньги обманутому клиенту все равно придется вернуть.

– Какому еще клиенту? – притворилась.

Жарков наступал действенным молчанием.

– Ой, да пусть подавится, – вскочила девушка, – он себя хоть видел в зеркало? Я как посмотрела, меня чуть не стошнило. Стоял на улице, дурачок, ждал. Урод!

Она перестала быть и нежной, и приятной. И Гошу, скорее всего, не хотела видеть.

– Сколько он там перевел? Семеру? На! – швырнула. – И сам иди. С тебя три штуки.

Три так три. У Гоши все равно больше не было. Он бы мог забрать ее в отдел и оформить как положено, пустить материал следакам, а те бы – дай только повод – закрутили бы и завертели. Но ничего не сделал. Только сказал, что ему все понравилось, и ушел.

Мужик, как велено, ждал в машине. Стоило появиться Жаркову, налетел с вопросами.

– Ну как? Получилось? Что сказала? Почему так долго? Мне жена звонила, я там сказал кое-что.

Гоша молча отдал деньги. Потерпевший не нашел ни слов благодарности, ни каких-либо других, только неприятно замычал и заухал так, что слюна заблестела на губах и потянулась дальше к подбородку.

Некрасивым тяжело, думал Гоша, а красивым – стыдно. Зачем сказала, что он – красивый, это даже звучит не очень. Он – оперативник Жарков – не сильный, не умный, не смелый, а красивый.

– Мошенница, да? – спросил мужик.

– Угу, – пробубнил Гоша, – самая настоящая.

– Вот скотина, – обозначил, и Жарков хотел возразить, но стало это необязательным. Уже стемнело. Они попрощались.

Доложил, что с заявлением разобрался. Ответственный по отделу разрешил ехать домой, но сказал быть на телефоне. Силами одной оперативной группы могли в новогоднюю ночь не справиться.

Жена спросила, почему так рано. Ничего еще не готово. Салаты надо и горячее.

– Сидел бы на своей работе, – недобро сказала она.

– Я, наоборот, старался, торопился, – не обманул Гоша.

– Ну и молодец. Иди вон, стол разложи. Сейчас свалишься, как всегда. А мне праздник не праздник с этой готовкой.

Гоша послушно вытащил стол-книжку, определив прямо по центру, напротив телевизора. Он стоял и смотрел, и думал, что, наверное, скатерть нужна. Хотел спросить, где эта скатерть, но жена обязательно бы раскричалась. И так на взводе – новогоднюю суету не любила, не понимала, в чем смысл не спать полночи и наедаться как в последний раз. А насчет алкоголя – один бокал шампанского, да и только. Жарков еще в ноябре запаса дорогим вискарем, который ему продали за полцены по хорошему знакомству. Но не был уверен, что жена позволит опустошить бутылку хоть на треть.

– Банку открой, – крикнула с кухни.

Он обрадовался, что стал нужен, и с удовольствием шибанул по запаянной крышке.

Запах лимона разлетался по квартире, и жена вроде перестала бузить: все успела, все сделала, можно теперь и расслабиться.

– Осторожней, – причитала жена, – набрызгаешь мне. Руки ты помыл?

– Помыл-помыл. Скатерть у нас... есть?

– У нас – есть, – как и ожидалось, брякнула недовольно, – а у вас – не знаю.

Сказала взять в антресоли на второй полке.

Сложно только первые десять лет, думал Жарков. Почти как на службе, где в первые годы тоже приходилось нелегко. В отделе Жарков пользовался уважением, а в семье был вынужден подчиняться. Срок семейной выслуги небольшой, дальше легче будет. Он пытался как-то включить мужика и запретить общаться с ним в таком угнетающем тоне. Жена обозначила, что впредь готовить будет сам, убирать за собой – тоже сам, а супружеские обязанности может не выполнять, нет теперь никаких обязанностей. Одни права у нас, правое государство. Жарков не выдержал и сдался. Может быть, так у всех. Пусть лучше так. По крайней мере, всегда убрано и сыто.

Вазочки с салатами спешно заполняли стол. Нарезки, бутерброды, аккуратно порезанные фрукты, там какие-то финтифлюшки, здесь – крабовые рулеты, еще утка вот-вот запечется. Запах лимона разлетался по квартире, и жена вроде перестала бузить: все успела, все сделала, можно теперь и расслабиться.

Спросила, как на работе. Ответил – нормально. Будут ли выходные? Нет, не будут. Преступность выходных не знает.

– А могли бы съездить куда-нибудь, – протянула мечтательно жена, – за город или вообще в Европу.

– Я невыездной, ты забыла?

– Не забыла. Забудешь такое. Все вон по миру катаются, а мы тут сидим. Достала твоя работа, вот честное слово.

– Ну, хочешь, – пытался Жарков, – хочешь, поезжай без меня. Деньги-то есть, возьми вон, отклады-вали.

– Хочу, – призналась, – но это... да ну, блин.

Она хотела сказать, это неправильно, что семья, несмотря ни на что, должна оставаться семьей, то есть если куда-то и что-то – обязательно вместе. Иначе такие одиночные выпады – первый признак предстоящего развода. Ничего не сказала, только разрешила достать алкоголь и не ждать, пока великий и могучий обратится к ним с торжественной речью.

Они выпили по третьему, наверное, бокалу, прежде чем пробили куранты и прогремел гимн. Ничего не загадывали. Жена лишь мечтала о всяком невозможном: путешествиях, богатой жизни, дорогой одежде. Гоша ни о чем особенном не думал, было бы спокойно, и хорошо.

– Ешь-ешь, – говорила совсем уж тепло, – салаты ешь, утка – скоро.

– Ага, – улыбался Гоша. Казалось ему, что в новом году все действительно станет иначе. Всем казалось. По крайней мере, старались поверить, изобразить, притвориться. – Покурить схожу – и поем.

Курил в кухне. Жена обычно запрещала, но сегодня – ладно, так и быть. Воздух, полный молодого январского ветра, хватал дым и выдыхал его в праздничную разноцветную улицу.

Ну, бросит он работу, думал, что изменится. В одну Европу поедут, в другую. А потом. Дома чаще будет, присутствием своим вымораживать начнет, отсюда скандалы и все такое. Может, притрутся, наоборот, если не пропадать по ночам. Но работать все равно придется. А что он может, кроме. Менеджером каким-нибудь, толкать что-то, да ну – на фиг: не выдержит, тоска загубит.

Докуривал и слышал, как истерит телефон.

– Начальник тыла звонит, – обозначил жена, когда вернулся в комнату, – работа твоя любимая.

Он ответил и, услышав знакомый голос, отошел. Сбавил незаметно громкость, отвернулся. Жена все равно не следила. Служебные вопросы ее мало интересовали.

– Да, Михалыч. Ага. Какие проблемы? Что значит? Убьет, говорит? Жди!

Обозначил кратко: случилась беда. Район шумит, надо торопиться.

– Год новый, а ничего не меняется, – подтвердила супруга, – надолго?

– Нет, – замешкал, – не знаю, я быстро постараюсь.

– Да уж постарайся, – вздохнула, оценив нетронутый почти стол.

Уже в дороге понял, что сел за руль под градусом. Не тормознули бы. Мент, как известно, гаишнику не кент. Лишат, увольят, забракуют.

Примчался к дому с порочной «блатхатой», где его по-настоящему ждали.

«Начальник тыла, – ухохатывался, – тыл что надо».

В подъезде стоял прочный шум. Басил тяжелый мужицкий голос. Он поднялся на последний этаж и увидел, как обманутый сельчанин с огромным хозяйством безнадежно пытался достучаться до прекрасного.

– Все забери. Хочешь, все деньги отдам. Только открой. Хочешь, десять, хочешь, пятнадцать. У меня есть, я полгода копил. Открой, открой! – кричал тот, пока Жарков не хватил его за плечо.

– А? – обернулся мужик. – Ты!

– Я, – ответил Гоша, – чего тут?

Пьянящий вдрызг, уже побитый, с глубокой бороздой на шее.

– Ее хочу! – ответил и ударил ногой в дверь, а потом плюхнулся прямо на грязный пол и расплакался. – Жена узнала, – изливался, – фотографию увидела, – захлебывался в соплях, – фотографию-то не удалил, вот и выгнала. Иди, говорит, и не возвращайся. Я и пошел, выследил, а она (такая-сякая), не открывает. Шлюха!

– Пошли, – сказал Жарков и опять взял за плечо.

– Куда ты меня? Куда? Только не в мусарню, я не пьяный.

Гоша вывел мужика на улицу. Не хотел, чтобы – она – слышала.

– Это моя хорошая знакомая, – нес Жарков, – я люблю ее! Слушай внимательно: еще раз появишься – грохну. Понял?

Мужик харкнул в снег и потопал по тяжелому снегу.

Куда он шел, пьяный, Гоша не знал. Наверное, стоило догнать, остановить, отвезти домой. Мало ли что могло случиться, непременно что-то, да могло.

Думал, подниматься ли. Поднялся.

– Ты женат, да? – спросила. – Я, наверное, помешала, ты прости.

Они любили друг друга несколько раз подряд, пока Жарков не протрезвел окончательно и понял, что надо возвращаться домой. Все хорошее приходит, когда не ждешь, но заканчивается вовремя.

Денег не заплатил, побоялся оскорбить. На прощание сказала, что обязательно бросит свою работу, просто обстоятельства так сложились.

– Да ладно, – особо не задумываясь, ответил Гоша, – все должны где-то работать.

Ожидала услышать: «вот и правильно, давно пора», представляя, как будут строить семью, но Жарков сказал то, что сказал.

Он выезжал со двора и заметил мужика. Тот сидел на ледяной скамейке и пил из горла водку. Остановился, подошел.

– Ты мне скажи, – гудел мужик, – я разве такой плохой? Как мне теперь жить? Я жену только люблю, а это так, не считается. Ты скажи мне, товарищ полицейский, что теперь делать?

– Поезжай домой, – ответил Жарков, – Новый год все-таки.

Он вызвал ему такси и сам тоже укатил.

Жена уснула, не дождавшись. Калачиком на диване.

В телевизоре пели про счастье и любовь.

